

Чу Тяньхэ, едва переступив порог, застал лишь то, как Сун Цы закинул одну ногу на оконную раму, а вторую изо всех сил пытался задрать к самому окну.

Он приподнял брови, и вопрос в его глазах читался без лишних слов.

А Сун Цы и вовсе остолбенел!!!

Какого чёрта всё обернулось именно так?!

Разве мы не договаривались о побеге?

Разве не договаривались, что не встретимся?

Почему так быстро? Почему он увидел его именно сейчас?

Но...

Если честно, этот Чу Тяньхэ действительно чертовски хорош собой.

Чёрные драконьи одежды ещё больше подчёркивали стройную фигуру стоящего напротив мужчины. Манжеты были расшиты сложнейшими узорами, а на голове красовался венец, свисающие нити жемчуга с которого покачивались за ушами.

Он стоял заложив руки за спину, излучая естественное, не терпящее возражений владычество.

И правда, главный герой есть главный герой, этот боевой дух — совсем другое дело!

Пока Чу Тяньхэ разглядывал Сун Цы, Сун Цы точно так же изучал Чу Тяньхэ.

Спустя мгновение он пришёл именно к такому выводу.

Стоявший рядом с Чу Тяньхэ евнух Хуа первым не выдержал и взвизгнул тонким голосом:

— Дерзко! Увидев императора, почему не падаешь на колени?

Глаза Сун Цы тут же округлились, словно он расслышал слова евнуха Хуа.

— Ещё не опустился на колени!

Голос евнуха Хуа стал ещё громче.

На этот раз Сун Цы расслышал всё чётко, но происходящее всё равно казалось ему невероятным.

От него требуют встать на колени?!

Он прожил в современном мире больше двадцати лет и никому не кланялся в ноги, а теперь его заставляют опуститься на колени?!

Разве от достоинства современного человека в таком случае хоть что-то останется?

Подумав об этом, Сун Цы не только не опустился на колени, но и расправил плечи, встретившись взглядом с Чу Тяньхэ лицом к лицу.

В его глазах читались упрямство и гордость, что заставило Чу Тяньхэ, обладателя высшей власти, почувствовать сильное раздражение.

У евнуха Хуа нервно задергалось веко: что творится с этой Императрицей? Он посмел пойти против самого императора?!

— Хозяин, хозяин, уровень гнева Чу Тяньхэ поднялся до сорока. Если он превысит шестьдесят, вам будет грозить смертельная опасность, прошу хозяина принять меры заблаговременно.

— Что за хрень?

Сун Цы на мгновение растерялся: что ещё за шкала гнева, о которой только что заикнулись?

Маленькая лоли ответила:

— Хозяин, это используется для отслеживания гнева главного героя. Максимальный уровень гнева главного героя — сто, если он превысит шестьдесят, вы можете подвергнуться смертельной опасности.

— Мм? Так сейчас ведь всего сорок.

Закончив говорить, Сун Цы бросил на Чу Тяньхэ еще один взгляд и не преминул добавить:

— К тому же, по-моему, на его лице вообще никаких изменений! Ваша Система что, врёт?

— Ай! Уровень гнева Чу Тяньхэ — сорок пять, сорок девять, пятьдесят, он всё еще растёт, прошу хозяина немедленно принять меры!

Сун Цы, который изначально ни капли не боялся, от слов маленькой лоли всё-таки испугался.

Но, глядя на невозмутимое лицо Чу Тяньхэ, Сун Цы подумал, что всё не так уж страшно. Однако, слушая постоянно растущие цифры, он решил — пора бы что-нибудь предпринять!

Не раздумывая, он сделал шаг, соединенный со вторым, и безумным брошком устремился к Чу Тяньхэ.

С глухим звуком плюхнувшись на колени, он рухнул так громко, что евнух Хуа даже подскочил от неожиданности.

А Сун Цы по инерции ещё и проскользил по полу... какое-то расстояние.

Тут Сун Цы помимо боли почувствовал, что его колени словно охвачено пламенем.

Но вскрикнуть он не мог, оставалось только терпеть.

Со временем лицо его покраснело от сдерживания.

Чу Тяньхэ опустил взгляд, глядя на стоявшего перед ним человека, который всем видом выражал непокорность, но всё же послушно опустился на колени, и находил это забавным.

Его голос звучал так же холодно, как и он сам:

— Что такое? Разве ты только что не был таким дерзким? Почему теперь вдруг сменил тон?

Сун Цы мысленно скрипнул зубами и выругался про себя:

— Черт бы тебя побрал, если бы твой уровень гнева не взлетел до небес, неужели ты думал, что я стал бы тут на колени?

Но слова, сорвавшиеся с губ, звучали совсем иначе.

— Да, я потерял самообладание... Просто расчувствовался при виде истинного лица императора, то есть нет... я просто вне себя от радости, прошу императора помиловать?

Эта тирада прозвучала с заминками, но всё же это было лучшее, что Сун Цы смог выдать из себя, стиснув зубы.

Он надеялся, что Чу Тяньхэ удастся остыть, но не тут-то было — в голове снова раздался сигнал Системы.

— Уровень гнева Чу Тяньхэ — пятьдесят семь, пожалуйста, поторопитесь, хозяин, сдержите рост гнева!!!

У Сун Цы яростно дёргалось веко, на душе скребли кошки: откуда ему знать, как заставить Чу Тяньхэ успокоиться?

Те слова он выдал из себя из последних сил, а теперь у него просто кончился словарный запас.

Евнух Хуа указал на Сун Цы дрожащим пальцем, а его голос зазвенел от страха:

— Ты... ты смеешь называть себя я перед лицом императора?! Да ты... да ты просто потерял страх!

Теперь Сун Цы наконец понял, из-за чего разозлился Чу Тяньхэ!

Но погодите, Чу Тяньхэ ещё ничего не сказал! С какой стати какой-то старый евнух открывает рот?!

Сун Цы задрал подбородок и, не желая уступать, уставился на евнуха Хуа:

— Ты! Да как ты смеешь так со мной разговаривать?! Разве ты не знаешь, что я — Императрица?! Ты всего лишь ничтожный слуга!

Евнух Хуа слегка задрожал, видимо, не ожидая, что Сун Цы осмелится возразить.

Сун Цы походил на разъярённого кролика, готового в любую секунду подпрыгнуть и вцепиться кому-нибудь в горло.

Чу Тяньхэ приподнял брови, и его голос прозвучал холодно и отрешенно:

— Императрица не признаёт вины да вдобавок смеет трепать нервы моему личному слуге? И впрямь заслуживает хорошей взчучки.

— Я вообще-то Императрица! А он смеет так со мной разговаривать?!

Рассудок Сун Цы окончательно испарился, оставив лишь горькую обиду от несправедливого обращения.

С какой стати?! Мало того, что Чу Тяньхэ терпеть его не может, так теперь еще и какой-то евнушок указывает ему, что делать?! Он, Сун Цы, стерпеть этого... не... может! Что ещё?!

Намеренно проигнорировав предупреждения Системы, Сун Цы холодно посмотрел на Чу Тяньхэ.

Он думал, что император убьёт его на месте, но Чу Тяньхэ лишь холодно усмехнулся и произнёс:

— Забавно.

В следующее мгновение он наконец сдвинулся с места, прошёл вглубь комнаты и опустился на стул.

Глядя на Сун Цы, он чеканил каждое слово:

— Передайте мой приказ: за неподчинение правилам выставить Императрицу во дворе на колени — на три часа.

— С какой стати?! Да и моя вина здесь вовсе не единоличная!

Чу Тяньхэ прищурился:

— Евнух Хуа дерзок до безумия и посмел пререкаться с Императрицей... Что ж, вырвать ему язык, а затем — забить палками до смерти.

Сун Цы от страха затрясло всем телом — подобная жестокость императора превосходила всё, к чему можно было привыкнуть.

Это полностью соответствовало характеру из первоисточника: в романе Чу Тяньхэ был своенравным императором, чьё слово являлось законом. Никто не смел помешать его замыслам, а каждый, кто вставал у него на пути, неизбежно погибал.

Но Сун Цы был другим: хоть он и злился на слова евнуха Хуа, он никому не желал смерти!

В конце концов, он же был воспитанным в лучах социализма хорошим юношей!

Поэтому, прежде чем Сун Цы успел осознать свои действия, с его губ уже сорвалось:

— Подожди.

Чу Тяньхэ милостиво бросил на него косой взгляд. Сун Цы от страха превратился в соляной столп, но Чу Тяньхэ уже произнёс:

— Что? У Императрицы ещё что-то найдётся сказать?

— Ну... сегодня же день нашей свадьбы, в такой радостный день... проливать кровь как-то нехорошо, верно?

Услышав это, Чу Тяньхэ усмехнулся:

— Выходит, по мнению Императрицы, для убийств тоже нужно выбирать подходящие дни?

Услышав, что вопрос с убийством подлежит обсуждению, Сун Цы принялся отчаянно кивать:

— Ага! Может, выберем благоприятный день и тогда уже прикончим?

— ...

Поразмыслив мгновение, Чу Тяньхэ отдал распоряжение:

— Что ж, пусть будет по словам Императрицы. Однако смертной казни можно избежать, но от наказания не уйти. Уведите евнуха Хуа и дайте ему пятьдесят палок. Пусть это послужит ему уроком!

Вскоре несколько человек увели евнуха Хуа.

Сун Цы с облегчением выдохнул — свою собственную шкуру он всё-таки отстоял.

Но он совсем позабыл, что Чу Тяньхэ всё ещё находился в комнате.

Обернувшись, он встретился взглядом с холодными, полными насмешки глазами императора.

Сун Цы: «!!!» Черт побери, он совсем забыл про Чу Тяньхэ!

Теперь, когда евнух Хуа исчез, в комнате остались только они вдвоём!

<http://bllate.org/book/22333/2339497>